

30 ИЮЛ 1977

Орловская правда
г. Орел

СЛЫШУ ТРЕЛИ «СОЛОВЬЯ»...

Чарующие трели алябьевского «Соловья» обрели поистине мировое звучание. «Эта песня, — отмечал советский музыковед Б. В. Доброхотов, — совершенно воплотила русский лиризм, рожденный восприятием русской природы». «Соловей» — любимый номер в репертуаре отечественных и зарубежных певцов. Он вошел в концертные программы и в качестве инструментальной пьесы, лучшие вариации которой принадлежат Глинке и Листу.

Жизненный и творческий путь автора всемирно известного «Соловья» (композитор создал еще 160 песен, несколько опер, балетов, квартетов и трио) связан с Орловщиной и орловцами.

В конце июля 1812 года, направляясь в действующую армию, в гости к нашему земляку музыканту А. А. Плещееву в его болховское имение Чернь на короткое время заехал Александр Александрович Алябьев. Он только что получил назначение в 3-й украинский казачий полк, который предполагалось везти в сражение с французами в самое ближайшее время. Молодому корнету хотелось познакомиться, а может быть, и проститься со своим орловским приятелем по юной петербургской жизни. Бравый вид, лихие усы, военная выправка произвели особенно сильное впечатление на всех четверых мальчуганов — сыновей Пле-

щеева. Каждому хотелось потрогать щегольски сшитый мундир Алябьева, его саблю, пистолеты.

Гость часто садился за фортепиано и играл свои «Вариации на народные темы». Вот после вступления зазвучала песня «Ах ты, поле мое, поле чистое». Сейчас на родных полях шла война, лилась русская кровь. Но никакому врагу никогда не удастся сломить исполинскую мощь великого народа. И вот уже как страстная вера в грядущую победу могуче разлился над Чернью гордый напев «Ты, раздолье мое да широкое».

Во время обеда хозяину подали свежий номер «Северной почты». В военных сообщениях говорилось, что 24 июля наши войска оставили Могилез. Плещеев сообщил при этом и последнюю новость, полученную им утром из Орла: князь Багратион прислал орловскому губернатору П. И. Яковлеву письмо с требованием направлять в Смоленск лошадей, повозки и сухари для армии. Все понимающие переглянулись.

Алябьев молча подошел к фортепиано, заиграл и запел любимый марш казаков «Донцы-молодцы». Все в доме подхватили удалую песню. А через час корнета-композитора лихие лошади мчали на юг, где стоял уже готовый к бою 3-й казачий полк.

Во время одного из сражений в конце декабря 1812 го-

да произошла встреча Алябьева с Денисом Давыдовым, чья беспримерная храбрость, смелость суждений, горячая любовь к искусству давно привлекали молодого музыканта. В составе партизанского отряда под командованием «бесстрашного Дениса» композитор участвовал в прославленном взятии Дрездена. О своем боевом друге Давыдов писал А. П. Ермолову: «Алябьев поехал со мною; он не имел команды и потому был свободен; не служба представляла ему случай к отличию и награждению, езда со мною — одну душевную благодарность мою; он избрал последнее».

В послевоенные годы самые близкие отношения соединяли Алябьева с нашим земляком поэтом-драматургом Александром Ивановичем Писаревым, состоявшим тогда членом московской театральной дирекции. В свои двадцать лет он уже был известен как автор множества самых популярных в то время водевилей. Белинский писал о нем: «Писарев лучший русский водевильист и вообще человек замечательного дарования... все наши теперешние водевилы, вместе взятые, не стоят одного Писарева». В творческом содружестве с поэтом-орловцем (иногда при участии других композиторов) Алябьев создал музыку к восьми водевилям.

Зимой 1825 года Алябьеву

было предъявлено бездоказательное обвинение в убийстве помещика Времева. Композитора сослали в Тобольск. Трели «Соловья» теперь грустно раздавались над заснеженным Иртышом.

В сибирском заточении композитору суждено было встретиться с сосланными сюда декабристами-орловцами. В июне 1829 года в Тобольск приехал прославленный немецкий ученый-физик и путешественник Александр Гумбольдт, которого сопровождал бывший член «Северного общества» наш земляк С. М. Семенов. На приезд знаменитого зарубежного гостя Алябьев сочинил гимн, поэтический текст которого начинался многозначительными словами: «Сыны Сибири отдаленной».

В Тобольске Алябьев сдружился с поэтом-декабристом, проводившим последние годы своей жизни на Орловщине, Н. А. Чижовым, многие стихи которого композитор сохранил в своих бумагах. Некоторые пьесы, написанные автором «Конька-Горбунка» П. П. Ершовым совместно с Чижовым для домашних спектаклей, были положены на музыку Алябьевым.

Пользуясь покровительством генерал-губернатора Перовского, композитор в тридцатые годы приезжает несколько раз в Москву и Подмоскovie. Здесь он знакомится с видным музыковедом-ор-

ловцем Н. А. Мельгуновым, в доме которого под Новинском автор «Соловья» встречается с поэтом П. Е. Бурцовым и, как полагают, с великим Глинкой, который высоко ценил творчество Алябьева. По мнению советских музыковедов, оба композитора встретились, будучи в гостях у нашего земляка 22 августа 1838 года. Кстати, накануне этого события Глинка провел четыре дня на Орловщине, где останавливался отдыхать по пути с Украины в Петербург.

Дружеские и творческие узы Алябьева с нашим краем сохранились до конца его дней. В архиве композитора имеется датированное 9 марта 1847 года письмо орловского музыканта Петра Спектора, который взволнованно благодарит Александра Александровича за помощь, оказанную в организации его концерта в Орле. Спектор послал Алябьеву и афишу этого концерта в нашем городе. Говоря об успехе своего выступления, он радостно сообщает, что «публика орловская весьма осталась довольна, хотя мне дать одобрение в таланте той игры». Наш земляк восторженно чтит Алябьева и желает ему всяких благ. Молодой орловский музыкант благоговейно называет столь дружески относившегося к нему знаменитого композитора «отец мой, Александр Александрович».

П. СИЗОВ.